

Апории государства

Неретина С.С.

Аннотация: Наша история в нашей речи. Основные проблемы: значение властных терминов, их происхождение, соотношение права и власти, государства, статуса и общества.

Ключевые слова: государство, статус, управление, гражданское общество, корпорация, федерализм, естественное право, позитивное право, регулирование.

Любая попытка проанализировать современное положение дел в российской действительности (в том числе лингвистическая) обнаруживает, что «связь между действием и тем, кто его производит, образует столь оригинальные отношения, - как писал П.Рикёр, - что теория действия становится чем-то совершенно иным, нежели простое применение <...> лингвистического анализа»¹. Однако определить эти трудности все же необходимо, чтобы понять состояние дел.

Некоторые черты современности

То, что нынешняя Россия отличается даже от той, что была 10 лет назад, сей час не понимает разве что ленивый и разве что ленивый об этом не говорит. Изменилась система передачи и усвоения знания, вернее, по нынешним стандартам образования - компетенций, появилось множество мелких и средних предприятий, которые называются венчурными, с неопределенным доходом и многое другое. Слово «компетенция», недавно вызвавшее шок в профессионально-преподавательской вузовской среде, отменившее в свою пользу знание и произведенное от латинского глагола *competo*, что означает «добиваюсь, соответствую», означает способность специалиста решать определенный класс профессиональных задач, это наличие знаний и опыта, необходимых для эффективной деятельности в заданной, это характеристика, определяющая соответствие сотрудника поставленным задачам, это требование к должности, выработанные компанией, которые служат основой для принятия управленческого решения при назначении на должность, отказе в этом или планированием карьеры сотрудника.

Это значит, что старое понятие знания, предполагающее (цитирую, по-моему, удачное его определение, данное в «Новой философской энциклопедии») «форму социальной и индивидуальной памяти, свернутую схему деятельности и общения, результат обозначения и осмысления объекта в процессе познания», становится ненужным. Нужно только то, что соответствует форме конкретной и непосредственной профессиональной деятельности.

Все эти и другие изменения показывают, что сложившаяся новая ситуация в государстве и обществе выражается в сакрализации властных функций, однако кроме раздражения и это атавистическое желание ничего не вызывает, ибо при очевидности сакрализующего воздействия на массы с помощью разнообразных приемов, налицо

¹ Рикёр П. Я-сам как другой. М., 2008. С. 77.

обнаруживающиеся просторы или зазоры, еще не сформированного, но дающего о себе знать мышления, в том числе политического. Это собственно и позволяет назвать наше время временем переходности, когда налицо множество возможностей. И все они на равных могут сформировать следующую целостность.

Оглядываясь назад, мы, кажется, глубже поняли, что такое «железный занавес», скрывавший другую жизнь, иногда в диссидентских грезах представлявшуюся как юридический и социально-политический рай. Диссиденты были умными и мужественными людьми, а всё, что в то время в России ни делалось или ни предлагалось для малейшей реорганизации, подавлялось властями. Диссиденты поэтому обращались за помощью к «Западу», под которым чаще всего понимались сочувствующие этому движению писатели, известные общественные деятели, некоторые политики, даже лично президенты. Но, если вдуматься, то это другая перефразировка известных строк «вот придет барин, барин нас рассудит». То, что мысль о невмешательстве во внутренние дела государства, и есть демократическая мысль, не застревала в головах, речь шла именно о том вмешательстве, которое сейчас раздражает.

Утопичность наших прежних обращений «к Западу» мы осознали едва ли не сразу. Уже первые (и деловые, и даже туристические) поездки показали, что многие процессы шли параллельно. Например, многие международные сообщества активно вторгаются в социально-политическую жизнь всех стран, в том числе и наших, активно ее меняя. И если экономическая сфера открыта не для всех, то социально-политическая в значительной части открыта.

Государство (и это уже не только российская тенденция) сняло с себя прежде одно из важнейших обязательств: говорить на принятом государственном языке. Эту тенденцию, вызывающую некоторого рода ступор и обнаруживающую слом старых традиций, старого мышления, изменения самых основ прежней *национальной* жизни, однако, можно рассмотреть позитивно. Не исключено, что та самая идея свободы, о которой много веков шли разнообразные философские споры, впервые осознана не только теоретиками, но *всеми* людьми как жизненная необходимость (заодно обнаруживая бесплодность философских исканий, медленно и с трудом внедряющихся в гущу жизни). Либерализация властных и медийных институтов, добровольное принятие на себя некоей необходимости взаимного сосуществования столкнулась с «диким горохом, растущим в поле» (перевод слова «свобода» с одного из языков Кавказа, как написано в одной из философских диссертаций) и - растерялась.

Образовательная смесь происходит по разным причинам: а) вторжение Интернета с его хорошо освоенными языком и техникой, не подпитанными культурно-образовательным цензом, б) ликвидация паспортного режима, о чем раньше можно было только мечтать, приведшая одновременно к культурной, с одной стороны, пассивности жителей центральных областей, а с другой стороны – агрессивности тех, кого иногда называют «пришельцами». Сказанное, повторю, относится не к уничтожению или отвержению этого фактора, а к необходимости осознания огромных и разных семантических полей, не скорректированных и, скорее всего, в ближайшее время не могущих быть скорректированными, в условиях нового мультикультурного сосуществования. При этом, разумеется, стираются границы нравственности при полном отсутствии общеморальных принципов (новых принципов нет, а старые потерпели фиаско), грамотности и др. *Отказ от идеологии*, однако, часто принимает идеологическую окраску, например в тех случаях, когда практически наблюдается (осознанное или неосознанное) нежелание правильного ведения (любых) дел. В этом

случае такое нежелание или неумение, усиленное амбициями, совмещается с демагогическими приемами.

Идея корпоративности, завладевшая современными теоретиками и бывшая одним из принципов устройства *фашистских* государств, да и нашего, *советско-социалистического*, потому и имеет такой успех, что мы сейчас оказались людьми с истерзанными телами и сгнившими словами, лишенными прежнего содержания и не нашедшими нового, но желающими эти тела собрать в одно целое. Однако я лично хорошо помню время, когда всех писателей пытались загнать в корпорацию Союза писателей, тех, кто претендовал на это право, но не «пролез» в Союз, - в группком литераторов, членом которого был Б.Л.Пастернак, архитекторов – в Союз архитекторов и пр. Эхом этого состояния откликается нынешний спор вокруг Союза кинематографистов. Удивительно, что Философское общество осталось на периферии существования философов.

Что нас поджидает и в известном смысле оскорбляет, помимо вышеперечисленного, в современной России? Раздражающая многих маникратия, (власть денег). Хотя эта власть сама по себе появилась не сейчас, и о ней писал Маркс как о математической мере, а еще раньше Николай Кузанский производил слово *um-mens* от *mesurare*-измерять, у нас она расположилась на территории, где прежде господствовало царство равных и относительно бескорыстных людей (в силу того, что корысти было неоткуда возникнуть).

Как говорил Ж.Делез, чтобы купить что-нибудь у новозеландца, не надо знать его язык, достаточно достать «зеленые». Этот «денежный» ум, вероятно, не хуже любого другого, если заставил участвовать в валютных, банковских, финансовых операциях огромную армию людей, собирая их в корпорации. Огромное количество Интернет-сайтов, посвященных теме корпораций, жесткие споры вокруг них, само наличие крупных газовых, нефтяных корпораций и таких объединений, как РОСНАНО, например, участие в международных соглашениях – все это свидетельствует о том, что мы вполне можем прогнозировать этот сценарий государственного развития. Процесс рождения нового мира, названного глобализацией, предполагает прохождение ряда ступеней, связанных с новыми государственными транснациональными корпорациями, подчас предполагающими культурно-исторически сложившиеся общности, а подчас их исключаящими, как и понятие национальной идентичности, настолько поглотил воображение современных людей самого разного образовательного уровня и профессиональной деятельности, что вопрос о национальной идентичности не просто стал актуальным, но едва ли не главной проблемой современности: не счесть семинаров, симпозиумов и конференций, посвященных обсуждению этого вопроса. Представить, что вскоре некое государство будет территориально разобренным и на карте будет одно и то же цветное пятно, расположенное в разных частях мира, трудно, поскольку это напоминает разобранность на разные части самого человека, о чем в свое время писал император-философ Марк Аврелий. «Видал ты когда-нибудь отрубленную руку, или ногу, или отрезанную голову, лежащую где-то в стороне от остального тела? Таким делает себя – в меру собственных сил – тот, кто не желает происходящего и *сам же себя отщепляет, или творит что-нибудь, противное общности*. Вот и лежишь ты где-нибудь в стороне от природного единения, ты, который родился как часть его, а теперь сам себя отрубил»². Эта разобранность ведет к конфликтам, которые выражаются или в вооруженных конфликтах, или в беседах, диалоге, переговорах в соответствии с правилами вежливости и с открытой аргументацией. Император-воин

² Там же. С.46

Марк, разумеется, предпочитает мирный исход конфликта, ставя акцент на одной присущей только человеку особенности: «Но вот в чем здесь тонкость; можно тебе воссоединиться снова. *Этого бог не позволил никакой другой части*, чтобы сперва отделиться и отсечься, а потом сойтись. Ты посмотри, как это хорошо он почтил человека: дал ему власть *вовсе не порывать* с целым, а если порвет, то дал прийти обратно, срастись и снова стать частью целого»³. В этом отрывке главным является не столько утверждение целого, сколько «вовсе не порывать», то есть не устанавливать полное целое, а предполагать «много неправильного и неаккуратного, много беспорядка и разнообразия, конфликтов и быстро меняющихся ситуаций, - всего того, что лишь способствует расцвету жизненных возможностей человека, а с ними и самого человека»⁴, но в своей неправильности эту правильность имеет как регулятивную идею. В противном случае абсолютная правильность будет иметь тоталитарный импульс, как об этом писал в «Дороге к рабству» А. Хайек.

Нынешнюю возрастом в 20 лет Российскую Федерацию нельзя, однако, назвать неоперившимся государством, потому что она, во-первых, сохранила старое название, выкинув из РСФСР буквы, скрывающие социалистическую нагруженность, а во-вторых, а скорее – в-наипервейших, - внутренне, семантически сохранила связь с Российской империей, в которой части ее имели разные статусы, в том числе и те, что можно назвать федеративными. Таковым статусом обладала, например, Башкирия, условием присоединения к России которой были сохранение за башкирами занимаемых ими земель, невмешательство в их религиозные обычаи, в целом во внутреннюю жизнь, оставив власть на местах в руках местных властей, были понижены размеры оброчных платежей, освобождены от сдачи на оброк некоторые угодья и т.д. Можно назвать и другие регионы, которые входили в империю на определенных условиях. Если иметь в виду это имперское состояние, то оно, во многом внешне мимикрировано под нечто иное, чем есть на деле. Это государство обладало и обладает необычайно сложной социально-политической и культурно-экономической структурой. Нынешний мир лишь внешне характеризуется властью толпы. Слово «внешне» не подразумевает здесь незначимость этой власти. Когда в 1937 г. поэт О.Э.Мандельштам сказал: «Я к смерти готов», это была не фигура речи, это было признание власти толпы. Но такой толпы, которая для проведения своих намерений требует лидера, вождя. Эти лидирующие персоны и являются нынешними правителями: Билл Гейтс, еще недавно Стив Джобс, руководители транснациональных компаний или корпораций, готовых стать государствами. Философы и политологи, занимающиеся специально анализом таких структур, уже издали тома своих исследований. Вопрос в том, как они влияют на состояние и подвижку властных структур, то есть в том, как они определяют напряжение современной ментальности – со стороны власть предержащих и со стороны власть ощущающих, универалистских тенденций и становлением гибкого менеджмента, умело регулирующего информационными ресурсами общества и инновационными, под которыми понимается системная оптимизация, тесно связанная с развитием финансовых практик, внедрением опоры на право, с «собираанием» всех возможностей и открытий, произведенных в мире. В свое время (я много писала об этом, но сейчас не грех повторить) Амвросий Медиоланский, отвергавший культуру Древнего Рима, как связанную с традицией, утверждал христианские истины именно как инновации, опору на новое, потому что «Христос всегда нов». Эта мысль св. Амвросия хороша не только для религиозных людей, она выражает основу

³ Там же. Курсив мой

⁴ Дарендорф Р. Размышления о революции в Европе // Путь. 1994. № 6. С. 38.

современного мира, не знающего про Амвросия и самостоятельно выдвинувшего идею инноваций. Это значит, что старая мысль вошла в современную на правах анонимно действующей силы, в данном случае и в данное время выражающей ее правильность, подчеркивающей если не опору на творчество человека, то опору на его творческую репродукцию.

Если, однако, учесть, что идея компетенции вместо знания властно, то есть сверху, прокладывает себе путь в массы (что является более массовым, чем учеба в школе?), то с инновациями может быть покончено, или это может также стать симулякром – формальностью, лишенной содержания. Более того, властная универсализация, допускающая некоторое количество частных компаний, значительно понижает уровень существования мелких частных собственников вплоть до их полного уничтожения, с чем, возможно, связано отсутствие проблемы собственности, поставленной в полном объеме и муссирование проблемы возвращения к государственной собственности.

Здесь, правда, возникает следующее соображение, высказанное Р.Дарендорфом, который различает конституционную политику и реальную политику. «Если все вопросы поднимать на ... уровень (конституционного вопроса. – С.Н.), то в конце концов возникнет тотальная конституция, в которой не останется ничего, с чем нельзя было бы не согласиться, - тотальное общество, еще один тоталитаризм». Реальная же политика – та, которая способна «провести границу между правилами и принципами, которые имеют всеобщий регулятивный характер, и различными взглядами, которые можно отстаивать в рамках указанных принципов»⁵. Этот принцип был выражен, однако, много раньше Платоном, который, рассуждая о необходимости правления с помощью закона, писал в «Законах», что «ни закон, ни какой бы то ни было распорядок не стоит выше знания. *Не может разум быть чьим-либо послушным рабом*; нет, он должен править всем, если только по своей природе подлинно *свободен*» (Законы. IX 875 с - d). Ибо закон, на его взгляд, предусматривает общее, что не соответствует определению человека. «Закон никак не может со всей точностью и справедливостью охватить то, что является наилучшим» для каждого, и это ему предписать. Ведь несходство, существующее между людьми и между делами людей, а также и то, что ничто человеческое никогда не находится в покое, - все это не допускает однозначного проявления какого бы то ни было искусства в отношении всех людей и на все времена» (там же 204 b). Закон, по мысли Платона, *служит «самонадеянному, невежественному человеку, который никому ничего не дозволяет делать без его приказа...»* (294 с). Заметим, однако, что речь идет о городе с населением в тысячу (1000) человек. Это надо знать тем, кто ссылается на абсолютную подчиненность праву в античных полисах. Закон Платон сравнивает с «всенародными упражнениями», например, в беге или гимнастике, а тренеры «не считают уместным вдаваться в тонкости, имея в виду каждого в отдельности... наоборот, они думают, что надо более грубо и приближенно давать наказания так, чтобы они в целом приносили пользу телам большей части людей» (294 е). Законодатели не могут дать закон каждому человеку в отдельности. Законы сейчас – в случае нужды - можно дать, потом – при отсутствии необходимости – отменить. Важно, чтобы они соответствовали жизненной нужде. В противном случае они могут вызвать только смех: владеющий своим искусством врач, может, конечно, *насилно* навязать пациенту лучшее лечение, но если «обнаруживается... погрешность» (297 d) или отсутствие необходимости (скажем, больной выздоровел раньше, чем врач предполагал, его нужно отменять. Рассуждение Платона указывает на свободу разума,

⁵ Дарендорф Р. Размышления о революции в Европе. С.55 – 56.

но одновременно показывает, что свободно рассуждающий разум всегда ведет к погрешности, требующей правильного отрегулирования, - об этом говорит и Дарендорф двадцать четыре века спустя.

Единство понимания. Значение властных терминов

В свое время О. Розеншток-Хюсси определил болезни, угрожающие обществу, которыми он считает войну, революцию, анархию и декаданс. Я бы, правда, сказала несколько иначе: в кризисные периоды войн и революций (а мы живем именно в такие периоды) общество поражает анархия и декаданс. Эти анархия и декаданс, наблюдаемые в ходе революции и войны, относятся не к опыту перемен, а к опыту катастроф, в которых человек учится выживать. Это время - время отсутствия речи, поскольку в катастрофе теряют силу старые традиции. Здесь не только происходит захват мира, но и потеря обретенного опыта. И даже если находятся люди, передающие нечто из прошлой традиции, то или а) их слова лишены силы убеждения, или б) их слова лишены вообще какой-либо силы, поскольку отсутствует сам предмет разговора. Разрушение, например, той индустриальной базы (сейчас не обсуждается – плохой или хорошей), происшедшей в России в 80-е – 90-е годы, привело к приостановке производства даже при восстановлении производственных мощностей, поскольку ушло поколение рабочих, способных передать мастерство, скажем, заточки деталей, молодому поколению. Поэтому разговор об индустрии сейчас, в эпоху постиндустриального производства, нанотехнологий и пр. действительно лишен смысла и поддерживается лишь в той замечательной части общества, которая продолжает осуществлять связь старого и нового, вопреки всему, совершая каждодневно подвиг, рискуя, как в свое время П.Рикёр, оказаться с мусорной корзинкой на голове.

Мы по-прежнему, как и после революции 1917 г., считаем, что можно сразу перейти к корпоративной системе, ментально не обучившись тому, что такое вообще производство. Поэтому, разумеется, нужна наука, способная правильно диагностировать силу, жизнеспособность, исправность источника жизненных сил общества и его единодушие, которое нельзя путать с единомыслием. В известном смысле нужно восстанавливать или создавать грамматику общения, чтобы синхронизировать идеи, мысли, поступки, деяния людей, принадлежащих разным временам, разным культурным сетям, разным образовательным слоям, когда понималось бы, что для правильного функционирования общества человек должен создавать себе современников из, как говорил тот же Розеншток-Хюсси, «разновременников» посредством речи (чтения Гомера или Шекспира). Нам нужно бы хотя бы теоретически (практически это вряд ли получится) прожить ту постиндустриальную жизнь, лишенцами которой мы оказались. При этом, повторим, единодушие не должно пониматься как всеобщее соглашение с некоей одной-единственной владетельной мыслью, пусть даже в конечном итоге и предложенной как мысль целого государства.

Речевые проблемы как проблемы государственного управления возникли – и вполне осознанно – начиная с Древней Греции, когда собственно и возникла сфера политического, с эпохи Древнего Рима, а затем, на новой обширной, будущей европейской территории начиная с XIII в., когда возникали сословные конфликты, связанные с достижением определенных свобод и преобразования аппарата власти. В Англии это случилось в 1215 г., когда была принята Великая хартия вольностей, во Франции – в 1356 – 1358 гг., когда третье, бюргерское сословие потребовало равных прав с дворянством и духовенством в управлении страной. Именно тогда вербально

были поставлены вопросы, что именно есть управление (администрирование) и что такое тот, кто управляет. В то время никто не сомневался в сакральных функциях королевской власти. В то время вообще нельзя было говорить просто «король». Надо было говорить или «король милостью Божией», или Сеньор (Лорд, Монсеньор, Мессир, Сир). Теократическая функция короля была диаметрально противоположна феодально-сеньориальной. Если рассматривать только теократическую функцию, то лишь *воля* короля во всем имела значение. Но как феодальный сеньор он был связан *договорными* отношениями, и в этой функции он не мог быть над королевством, поскольку сам являлся членом этого общества. Широкий частный характер феодальных отношений стал средством действия публичного права, способствуя возникновению парламента - места, где говорят. Это не замедлило сказаться в требованиях третьего – бюргерского – сословия в Парижских событиях 1356 – 1358 гг., когда возникло плачевно закончившееся движение Этьена Марселя за равенство сословий и когда впервые после Рима было произнесено слово «республика», когда возникло требование свободы и стало было «ходить» слово «конфедерация», которое убрали с глаз долой после провала движения.

То, что в то время *вдруг* вспомнили о типах политических образований, о демократии, тирании, монархии, аристократии, свидетельствует о том, что после Рима, древнего Рима Цезаря, Цицерона, Октавиана Августа и пр., *не возникало проблем в названии территориальных объединений*, называть ли их демократиями, тираниями, деспотиями и пр. Это были территории племен, природных этносов, осевших в будущих европейских землях и называвшихся по именам этих племен, по титулам властителей, по образованиям. Если король – королевством, герцог - герцогством, если во главе купцы – купеческим общим делом, или республикой, если союз вольных городов – конфедерацией.

Вспомнил о старых видах народных объединений не кто иной, как Фома Аквинский, который через 70 лет после смерти будет признан официальным наставником всех христиан-католиков, в наставлении юному королю Кипра. И произнес он старые названия типов управления, потому что они прозвучали как *новые*, то есть вот сейчас востребованные. До этого с детства знакомые нам названия представителей власти и самой власти, такие, как «министр» (minister), «администрация» («administratio»), «губернатор» («gubernator») означали соответственно 1. «слуга», «подручный», «помощник», «служитель», в том числе и «служитель церкви», то есть «священник», 2. «служение» и «оказание помощи», «руководство» в значении умелого знания, 3. «кормчий» («управляющий кораблем»), «возница» («управляющий колесницей»). Так именно о значении слова «губернатор» писал Боэций (V – VI в.), но то же спустя шесть веков повторил Петр Абеляр. Еще через два века слово «gouverner» стало означать «управиться» и в смысле «пройти», и в смысле «кормить», и в смысле «находиться на содержании», «вести себя», даже «разговаривать». В «Хронике» Жана Фруассара, рыцаря, было написано о дороге, которая была «такой узкой, что по ней не смогли бы пройти (или: на ней не могли бы управиться, gouverner) два человека», о даме, требующей слишком большого содержания (gouvernement) и о городе Сенарпonte, который сукном кормится (или: содержится, держится на сукне)⁶. Это значит, что в то время слова эти не употреблялись в том значении, в каком употребляются сейчас. От старого значения

⁶ См.: Фуко М. Безопасность, территория, население. Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1977 – 1978 учебном году / Пер. с фр. Н.В.Суслова, А.В.Шестакова, В.Ю.Быстрова. СПб., 2011. С. 179.

слова «министр» осталось разве что ироническое именование его как слуги народа, а к губернатору прочно прилипло значение руководства и без умения и знания. То же и со словом «гех», «повелитель», тесно связанным с *res*-вещью, *geus*-ответчиком, *obvinяемым* и *ratio*-разумом и смыслом. В основании властных терминов латинского мира лежит, таким образом, разум. Есть еще термин «*potestas*», «власть», производный от «*posse*», «мочь», и это было связано с правами правомочной личности. В основании властных терминов российского (русского) мира лежит цезаризм (царизм), позднее понятие, родом из XV в., когда Москва принимает на себя функции Третьего Рима.

Такой разброс значений был тесно связан с тем, что в то время было названо эквивокальностью, дву-о-смысленностью и двухголосостью не только значений слов, но самого мира: Божественного и человеческого, в котором при его описании одно и то же слово могло иметь и мирской, и сакральный смысл (например, слово «гех» означало повелителя и небесного и земного) или указывать на разные проявления одной и той же вещи. Поэтому в средневековые времена и нельзя было говорить просто «король». То, что частный характер феодальных отношений стал сферой действия публичного права, было осознано через четырнадцать веков существования христианства в Западной Европе, которая, напомним, еще не была Западной Европой, - в требованиях третьего – бюргерского – сословия в событиях 1356 – 1358 годов, когда двойственное понимание мира сплюсилось до единогласия, унивокации, в котором слышится униформация. Между тем эквивокальное напряжение, уже в наше время забытое, интеллектуально не освоенное, составляла и составляет общественное напряжение: старые сохранившиеся теократические функции правителя по-прежнему ведут к «светлому будущему» (я не уточняю содержания этого будущего) через кровавые революции, потому что, руководствуясь идеей счастья всех, они попирают права индивида, а вторая договорная функция, заключающаяся в прежних феодальных отношениях, закрепляющая индивидуальные права, - путем эволюции.

Казалось бы, зачем вспоминать для кого-то до сих пор остающееся темным Средневековье в XXI в.? Но ведь слово «конфедерация», как соответственно и «федерация», не только живо, но является образующим в целостности многие народы. А оно, между тем, цепко связано со знакомым только по школе словом «феод», которое после школы прочно забывается, как связанное именно с мрачным Средневековьем. Слово «феод» между тем как бы невидимо всплывает то тут, то там и не только в связи с федерациями (в этой связи о нем и не помнят), но в связи с необходимостью для любого политически крепкого объединения устанавливать межличностные отношения, межличностные договоры, там, в феодах, и возникшие. Неопознанная ни теоретически, ни методологически эквивокальность, однако, с успехом применяется, как и при феодализме, в современной постимперской России, пытающейся показать, что в ней что-то изменилось, но так, что это изменение не порывает связи с традицией. Дву-о-смысленное название «суверенная демократия» сохраняет связь с неизжитым феодализмом, как и «федерация», не меньше, чем с современными статусами либерально организованных западных государств. Эквивокальный метод, сейчас прочно забытый среди почти всех образованных слоев населения, однако возрождается и в логике, и в практике. О.И.Генисарецкий, например, выделяет шесть видов федерализма, и если их рассмотреть, то можно найти и традиционно феодальные федерации и современно-либеральные: 1) расширенный, эмпирико-морфологический федерализм, 2) функциональный федерализм, 3) ресурсный, 4) цивилизационный, 5) идентитарный, 6) экзистенциально-антро-пологический. Под первым типом федерализма понимается не только «квази»государственные образования типа национальных республик и автономных областей, но и национально-культурные

автономии, конфессии (особенно, номинированные “традиционными” для России), возможно, города и некоторые общественные союзы, обладающие признаками публично-правовых корпораций и т.д.». Генисарецкий считает, «что трактовка федерализма исключительно в плоскости межнациональных отношений и национальных государств - это специфически советская манера правопонимания государственности». Но вместе, можно добавить, это феодальная черта – автономий крупных сеньорий с определенно-обусловленным подчинением первому среди равных. Так, например, в понятие расширенного федерализма входят «конкретные и реально мыслимые субъекты правоотношений, которые не только могут быть подведены (а в некоторых случаях, как в европейском неофедерализме, и подводятся) под понятие *суверенного* субъекта федерации, но и реально участвуют в политико-правовой практике федеративных отношениях на равных правах с другого типа субъектами... Эмпирическими субъекты расширенной федерации являются также и потому, что *известны* они нам не только как конструкты юридического разума, но и как представления повседневной практической жизни, из опыта самых этих отношений в жизни граждан, т. е. членов гражданского общества»⁷.

Функциональный федерализм «хорошо прописан в практике социалистической мысли начала XX в., приступившей к обоснованию социальной политики социал-демократических партий социологическими понятиями и данными. При этом в структуре государства, - *наряду с тремя традиционными для Нового времени классами (дворянством, крестьянством и “средним” городским классом “частных собственников”*), - стали видеть и анализировать “гильдии”, “синдикаты”, “корпорации” и иные как естественно-исторические, так и вновь возникающие социальные образования». Мы, вслед за Генисарецким, подчеркнули специфические черты старого «развитого» феодализма, усиленного новыми статусами все тех же старых феодальных гильдий, приобретших укрупненный вид корпораций и синдикатов. «На этом пути было развито много разных вариантов так называемого *социального права*... из этого... интеллектуального источника черпало свое вдохновение движение за *социальную защиту*, оказавшее – наряду с реальным социализмом советской России - влияние на социально-политический климат современного мира». Новым типом федерализма является ресурсный как прецедент финансово-бюджетного федерализма. А цивилизационный связан с разного рода формальными рациональностями, одним из типов которого является право. «Поэтому, говоря о будущем государства, мы не можем только с функционалистской точки зрения говорить о том, что оно определяется развитием экономики или политики, или еще чего-то. Государство существует не только в сфере управления, где оно этими процессами детерминировано... и когда государство мыслится в сфере права, то его будущее определяется этими цивилизационными императивами или тенденциями развития государственности как таковой – да, в условиях глобализации, но мыслимой не в смысле *geo*, а в смысле наращивания миропорядка, в том числе и институтов этого миропорядка». Идентитарный федерализм разворачивается «вокруг того или иного типа идентичности, например, культурной, конфессиональной и любой другой», а экзистенциально-антропологический толкуется как некая идеализация того, что трактует эмпирико-

⁷ Генисарецкий О. И. Пространство правопонимания и вопрос о современном эффективном государств. Доклад, прочитанный 28 августа 2001 г. на семинаре в Трускавце «Институты. Функции. Пространства» - [shkp.ru>lib/archive/methodologies/2001/10](http://shkp.ru/lib/archive/methodologies/2001/10). Последнее посещение 3. 11.2011. Дальнейшие ссылки - на этот же доклад.

морфологический федерализм в плоскости межнациональных отношений и национальных государств, что является специфически советской ситуацией⁸.

Все шесть типов федерализма прочно зависят друг от друга, отражаются друг в друге и, несмотря на то, что в отдельных странах может перевешивать что-то одно, подразумевает один другой. Да и Генисарецкий говорит о федерализме, обозначающем государственность как таковую, переходя от него к корпоративному правопониманию государственности. Мы выше говорили несколько об ином: о необходимости формировать само мышление в духе тропо-логики – возможности видеть и поворачивать разные смыслы, умения регулировать и синхронизировать их.

Все это, однако, не только теоретическое размышление, но реальное существование, о котором вряд ли догадывается обыватель, которого никто не только в типах федерализма не просвещает, но и в Уголовном кодексе, применяя однако правило «незнание не оправдывает» и заглушая попытку к знанию компетенциями (что к ним не относится, не обязательно), покоится на привычном силовом способе управления. Поэтому проблема того, как сейчас понимается «управление», сродни той, когда впервые вообще возник вопрос об управлении. Один из самых блестящих философов XX в. Мишель Фуко в конце Семидесятых годов XX в. стал читать лекции в Коллеж де Франс по истории систем мысли. Для него одной из корневых проблем XX в. стало изучение «зыбкой, туманной области, выражаемую таким <...> искусственным понятием, как “управленчество”»⁹. Этот вопрос он ставил в связи с религиозно (христиански) ориентированным обществом. Но вопрос этот сейчас стоит как нельзя более остро не теоретически, а практически. Мы по-прежнему испытываем диктат со стороны власти, в отличие от прежних лет происходящий с полным неуважением не к правам человека (сами эти слова стали хорошей ширмой для властных структур), а вообще к человеку.

И все же, поскольку мы размышляем о нашем обществе вопреки правящему неуважению к нам, насмешки над нами, мне кажется, что термин «управление», сама необходимость «управлять» должны быть если не сняты с повестки дня, то строго проанализированы. Вряд ли нужно полностью отказываться от термина «управление», но необходимо показать то семантическое – огромное – поле, в котором он действует. Нынешнее его главное значение - «помыкать» - стало обыденным пониманием. Кроме того, оно связано не только с «правом», «правильностью», но у нас прежде всего с «управой» и «правежом». Нужно очиститься от языка, который навязывает такие смыслы. Наш язык в себе заложил уже всё. Вся наша история в нашей речи. И если диалектику мы учили не по Гегелю, а по бряцанию боев, то демократии не учились никак. Для нас это пустое слово, сопряженное с другими словами, содержание которых мы понимаем плохо, но делаем вид, что понимаем. Когда в 1989 г. возникла возможность демократии (как говорил Карякин: вот-вот все будет, вот-вот все будет хорошо), она не смогла даже как-то устоять, потому что ни опыта ее не было, ни мало-мальски серьезного обсуждения. Слова «Дума не место для дискуссий» появились не случайно: у нас нет и не было практики обговаривания, то есть – в переводе – парламента, которая в западноевропейских странах заняла не одно столетие. У нас нет такого времени! Мы что-то должны делать быстро методом проб и ошибок. Но едва мы задаем вопрос, каким образом власть должна чувствовать общество, как возникает

⁸ См.: там же.

⁹ Фуко М. Безопасность, территория, население. С.173.

мысль, что главное здесь не общество, главной остается власть, которая что захочет, то и наворотит.

На мой взгляд, нужен радикальный переход от вертикали на горизонтальные схемы координации разного рода усилий (корпораций ли, гуманитарных, естественнонаучных, экономических, политических институций и др.). Они могут вполне координироваться экспертными группами. Это необходимо. Экспертные группы будут не обслуживать чью-то волю, а знать суть дела. Нам жестко не хватает не чиновников, а бюрократии! Необходимо исследовать ту ситуацию, которая была в XVII в. во Франции, когда складывалась бюрократия. Это было бы очень интересно не с точки зрения истории, а с т.з. процедуры складывания подобного рода вещей, когда можно было без «короля-солнца» решать многие внутренние вопросы.

Сейчас вполне допустимы анархистские представления об устарелости самого понятия власти, основанной на подавлении таких форм самоорганизации населения, как вольные города типа Новгорода и Пскова), которые были конкурентоспособны жесткой абсолютной самодержавной власти и на устройении не способных к такой конкуренции фактически закрепощенных ремесленных предприятий и сельских общин. Термин «управление», в том виде, в каком он сложился в нашей стране, был тесно связан с идеей захвата территорий, земли, с идеей овладевающей личной силы. Культ личности родился не в XX в., а гораздо раньше, с началом христианской эры. В XX в. он лишь привел при физическом появлении масс народа к гипертрофированному идеалу вождизма: массы, повторим, должен вести лидер. Когда мы сейчас все чаще и чаще ведем речь о том, что старые государственные системы отжили свое и переживают сильнейший кризис, то, как и тридцать – сорок лет назад оглядываемся на Запад, призываем к себе его идеи, как когда-то варягов, при этом словно забывая, что мы перескакиваем очень важный свой опыт - монголо-татарское иго, византизм и неиндустриальная жизнь, но вопреки этому знанию полагая, что справимся с новыми задачами.

Оглядываясь же мы сейчас и примериваем к себе идею корпоративного управления, забывая и не придавая значения тому, что хотим одну *власть* заместить другой *властью*. То есть одну *волю* заместить другой, но тоже *волей* с человеческим ли лицом или без оногo. Как правило, в конечном результате, воля становится нечеловеческой. Фуко, критикуя либеральные определения власти как *средства* принуждения, не просто описал *аппарат* репрессивных практик, применяемых властью, но *сущность* власти, представляющей собой взаимодействие разных сил. Это не статичное образование и не устойчивая структура, которую можно было бы определить юридически. «Государственное искусство, - как писала Х.Арендт, - надо приравнивать не к создающим, а к исполнительским искусствам» кормчего, врача, танцора, флейтиста, то есть власть не должна быть сама по себе средством принуждения, она «исчерпывается в исполнении и таким образом подобно поступку и речи состоит в актуальности самого действия». <...> В этой *столь глубоко презираемой современным социумом виртуозности*, в «непроизводительных» искусствах флейтиста, танцора или актера античная мысль нашла некогда примеры и иллюстрации для описания высших и величайших возможностей человека»¹⁰. Что после этого удивляться, что такой шумный успех имеет сегодня шоу-бизнес! И надо ли

¹⁰ *Арендт Ханна. Vita activa, или о Деятельной жизни / Пер. с нем. и англ. В.В.Бибихина. СПб., 2000. С. 274 – 275. О «Политике» Платона, Аристотеля, о понимании res publica в Древнем Риме см. также: Неретина С.С., Огурцов А.П. Концепты политической культуры. М., 2011.*

сомневаться, почему не устраивает сегодня *наш* термин «управление», поскольку в нем, хотя и присутствует идея отождествления с другими, но гораздо больше - отчуждения друг от друга в силу несовпадения интересов «всех» и государства, в силу того, что в управлении заложена идея принуждения, а не свободного следования общим интересам. «Омертвление пространства явленности и следующее затем помрачение здравого смысла, органа, в нем ориентирующего»¹¹, то есть то, с чем мы сейчас имеем дело, принимает в социуме экстремальные формы.

Термин «урегулирование», вроде бы – при переводе – обозначающий то же, что управление, обладает другим содержанием: он предполагает некую норму, вынесенную вовне, которой подчиняется и правитель. Не случайно именно с этим термином связано выражение «урегулирование конфликтов». Это, кстати, подразумевает и слово «корпоральность», такая «телесная» представленность многих, которые, являясь единым телом, тем самым урегулированы и отрегулированы как единство, где каждый выполняет свойственную ему работу, помогая и не мешая другим. Вопрос в том, что понимать под единством. Хорошо, если «свободное развитие каждого при условии свободного развития всех». Но ведь единство создается и в тюрьме, казармах, раньше и в школах, где все ходили на перемене парами, держась за руки. Когда на рубеже Средневековья/Нового времени философы называли это естественным состоянием, они не грешили против истины. Если мы вспомним, каким образом предстала богиня Истина перед взлетевшим к ней Парменидом, то мы почти не удивляемся, описывая ее величие, что «то, что есть» опутано цепями. Цепь, однако, не елочное украшение. Она и есть образ человеческой жизни, данный лучшей философией в мире, к которой нас иногда приглашают вернуться как к опыту почему-то открытости и несвязанности. Какая-то цепная открытость получается, принявшая в философии форму «универсально-понятийного» анализа мира в отличие от именного (первобытного) и профессионально-именного (индийского, китайского), блестяще описанного М.К.Петровым в книге «Язык, знак, культура» (М., 1991). Мы в этой универсальности и понятийности закрепились надолго, так что заново пришлось открывать простое понимание, простое действие, интуицию, лежащие за пределами Единого Логоса. Это, не исключено, само не выражающее себя нецепное Единое. Цепным оно становится как раз тогда, когда начинает говорить, то есть расщепляется на единое и многое, часть и целое, хорошее и плохое, властное и невластное, могучее и слабое, тем самым становясь открытым.

Государство ли статус?

Но в этом-то и вопрос. Сейчас под единством понимается сплоченность в некую коллективность при общности идеологических лозунгов. Это закреплено в слове «государство», понятие и понимание которого не исследуется или исследуется мало. Мы как-то так употребляем: государство и государство, даже к state применяем этот термин. Мы «подстраиваем» под собственное словоупотребление и другие названия. Когда мы говорим «Соединенные Штаты» и прибавляем к этому «государство» - это значит, что мы не понимаем принципов устройства Штатов, меж тем как само слово это «state» означает «состояние», «положение», «статус», смысл которого может меняться в зависимости от деловых, социальных, политических, экономических отношений. Между тем термин «государство» означает даже не «kingdom», и не многие европейские страны величают себя так. Именно величают, потому что даже если государь (царь, король) в этих странах и есть, он, как правило, в качестве короля

¹¹ *Арендт Ханна. Vita activa, или о Деятельной жизни. С.277.*

доказывает только величавость страны, но не ее величие. Русское слово «государство», среди значений которого мы подразумеваем слово «царство» («царство-государство»), на деле сохранило не только монархический смысл единства¹², но включило в себя и смысл цезаризма (царизма), то есть диктатуры. Старый, даже не от советских времен идущий империалистский (универсалистский) характер так понимаемого государства, живущего в ментальности именно как царственно-монархический принцип (не случайно, то и дело возникают мотивы восстановления монархии в России), и сейчас диктует свои условия, прежде всего воссоздания полицейско-бюрократической системы жизни. Это уже стало общим местом: съездив на современный Запад, подметить там черты, близкие нам, такие, как антураж вокруг съездов партий, вмешательство в международные дела, доносы соседей на соседей, студентов на своих товарищей, обсуждения дел и коллег, похожие на наши комсомольские собрания, в университетах. Заметить эти вроде бы общие с нами черты и думать: все, как у нас, не замечая другого: открытого общества, о котором писали К.Поппер и Р.Дарендорф, и пытаюсь кое-где и кое-как подстроиться под очевидные лежащие на поверхности схемы. Однако, если изначально говорить о каком-то наборе понятий, то, вероятно, стоит начинать с критики, очищающей проблему. Убрать, например, из лексики слово «государство», слово «управлять» и не потому, что они плохие, а чтобы дать волю другим понятиям, похожим, но не связанным с царственной властью: регулирование, менеджмент. Тогда и «управление», и «государство» окажутся одними из терминов в широком семантическом поле. Ясно, что я говорю исключительно о нашей весьма подмоченной репутации единого территориального устройства, где фактически задушено множество иначе организуемых и самоорганизующихся вещей. Я совершенно уверена, что, предложи тем же СМИ провести такой эксперимент - не употреблять в течение недели этих слов, и мы обнаружим множество новых и более точных именованных. Можно вспомнить, что в свое время С.Кьеркегор, критикуя гегелевскую идею государства, противопоставил ему сообщество индивидов. Потому я не случайно начала обсуждение проблемы с идеи речи. Мы сейчас не столько пытаемся понять новую реальность (а она есть, мы видим это по нарушению, даже разрушению межпоколенческих контактов), сколько своей суверенной демократией подстраиваем себя к старому миру, организуясь не вокруг целей, а вокруг «отсутствия целей» (целей, нигилистически понятых).

Сейчас стало общим и плоским местом повторять фразу, что история нас якобы ничему не учит. Когда римляне создали этот афоризм («история – учитель жизни»), они сконцентрировали в нем глубинное понимание того, что история нас настигает, встает возражением современности, и уже в силу того, что она стоит как возражение, ее не обойти. Римляне были афористичны. Мы сказочно-нарративны. У нас есть сказка «Гуси-лебеди», смысл которой в том, что нельзя, невозможно выйти на простор недостижимости, если не съешь старого пирожка, не отведаешь яблока (от древа познания) и пр. И вопреки этой сказке, мы, Россия – страна, которая правила не сама по себе, а через чужаков, варягов. В истории было множество прецедентов, связанных с захватами территорий и насаждением другой власти. Достаточно напомнить трагическую историю Рима, захвата франками галлов. В средневековой Франции мятежи «меньших» людей, в основном крестьян, часто связывались с этим захватом: «меньшие» люди так и считали, что франки овладели всей собственностью галлов. В

¹² Я писала об идее монархии в статье о Данте. См.: *Неретина С.С.* Канцона как средоточие философии Данте // Вестник Самарской гуманитарной академии. Вып.: Философия. Филология. № 1. 2006.

литературе на это обращают мало внимания, лишь в начале XX в. робко заговаривали об этом при переводе драмы П.Мериме «Жакерия».

На Руси было иначе: варяги не захватывали Русь, они были призваны во власть *доброй волей* князей, хотя приглашение других людей для создания законов или принятие образцов для них из ужих стран было делом банальным: критские законы Миноса, например, были образцом для Спарты. Но право бывает естественным и позитивным, установленным. Не знать можно установленное право, естественного права не знать нельзя: это любовь к родителям, как говорится, к отеческим богам, неприкосновенность жилища, всего *моего*, что отстаивается при необходимости позитивным правом. Как происходила переориентация права между призванием варягов и вплоть до современности? - дело историков разобраться с этим. Но совершенно очевидно, что государству (когда-то личному - оно персонифицировалось именем царя, а теперь безличному, поскольку президент и государственные чиновники говорят от имени закона) было отдано право полного распоряжения *моим*, передоверенным чужому. Поэтому вопрос о соотношении российской власти и общества (при наличии старых понятий управления, государства, власти) – это пустой вопрос: в нем можно двигаться только в рамках старой властной парадигмы. Мысль В.К.Кантора о русском *европейце*, на мой взгляд, неверная мысль. Можно сколько угодно рассуждать о праве и либерализме и не уметь их отстоять и упрочить. Мы к тому же чувствуем власть абсолютно, но столь же абсолютно не чувствуем общества. Мы не случайно говорим так много о власти. Мы ругаем власть, но не ругаем безвольного и несостоявшегося общества, присвоившего себе это имя, потому что первая есть, а второго нет. Или, скажем иначе, были некие сообщества как жесткий противовес власти, но не было общества рядом с властью. Это привело не к изначальному отсутствию естественного права, а к его переподчинению позитивному праву, то есть переподчинению по сути запрещающим правилам, ответственности. Оттуда пошло понятие правоответственности, в котором акцент падает на вторую часть сложного слова. История задним числом показала свой учительских смысл - *возражением* тому, что стало и есть.

П.Бурдьё писал, что во Франции XVIII в. в предреволюционные годы при Людовике XVI была попытка создать независимую от монарха судебную систему, действующую во имя не монархии, а во имя общего блага. Юристы выдвинули на первое место служение обществу, а не государю. Именно тогда вновь возникло понятие *res publica* в старом римском смысле слова как общего дела, цементирующего общество, и лишь потом республика стала «инстанцией, трансцендентной по отношению к агентам (включая короля), временно ее воплощающим»¹³. Но вот оказалось, что «тот слой “третьего сословия”, который, восприняв идеи просветителей, стал сначала парламентскими представителями народа, а затем “вождями народа”, был слоем среднего и низшего чиновничества, юристов, нотариусов, судей, адвокатов. В Учредительном собрании 373 из 577 делегатов “третьего сословия” были представителями так называемого юридического сословия. Именно эта группа и стала идеологами революции, ее трибунами и вместе с тем ее жертвами»¹⁴. Последнее произошло потому, что, наряду с апологией науки, в предреволюционные годы развивалась критика науки, представленная прежде всего Ж.-Ж.Руссо. Эта контрнаучная линия выразилась не только в публицистике, но «в различного рода

¹³ Bourdieu P. Practical Reason. Cambridge (UK), 1998. P.43.

¹⁴ Огурцов А.П. Философия науки эпохи Просвещения. М., 1993. С. 204 – 205.

мистических сектах и движениях и, конечно же, в плебейской ярости против существовавших к началу революции научных организаций».

Для всех идеологов эгалитаризма ученые были привилегированным сословием, а существовавшие в дореволюционной Франции научные учреждения – Академия наук, королевский колледж, школа военных инженеров в Мезьере, Парижская обсерватория и Королевский ботанический сад – защитниками деспотии и социального неравенства¹⁵. При этом было неважно, что число академиков, получавших жалованье, было невелико, и из 48 членов академии в начале XVIII в. половина искала приработка, но за ними прочно закреплялся статус ненужных людей, занятых причудами, поскольку исследования велись годами и не имели непосредственного применения на практике. Вера в тайные науки, в белую и черную магию, алхимию была сильнее научных доказательств, создавая «эпидемию мистического помешательства». Но и собственно просветительские идеи в массе народа существенно искажались, а в ходе революции упразднялись. Была отменена Конституция 1793 г., Декларация прав человека и гражданина, были упразднены свободы собраний, печати, слова, судебные гарантии и право на защиту, а затем и вовсе принят декрет о врагах народа.

Очевидно, что власть может быть захвачена разными способами, в том числе и легальными. Но любой *захват*, ведущий к *перевороту принципов прежнего правления*, лишает прежде всего прежние уставы законодательной базы, попросту отменяя ее и (пока не выработала своей, а на это должны уйти годы) действует с помощью старого или нового репрессивного аппарата: власть ведь надо удержать в руках. Способом такого удержания оказывается террор, откровенный или скрытый, но, как правило, направленный против самих организаторов революционного переворота. Ссылаясь на исследования Д.Грира, Огурцов пишет: «85% казненных принадлежала третьему сословию, к дворянам – лишь 8%»¹⁶. Я бы хотела обратить внимание на эти цифры: вопреки, казалось бы, очевидной ненависти к своим врагам: дворянству и духовенству, вопреки написанному в учебниках под нож гильотины попадало в основном сословие зачинщиков революции. Ученые, тоже в основном принадлежавшие к третьему сословию, попадали под него первыми еще и потому, что обладали абсолютной незащищенностью: даже работая при дворе, они были всего лишь материалами, не владевшими силовыми рычагами, «свои» же попадали в силу конкуренции, в силу битвы за власть. Более того, так было во время всех народных движений, когда выплескивалась многолетняя, а то и многовековая накопленная ярость. Потому совсем не удивительно, что на каторгу или к убийству приговариваются (и тогда, и сейчас) деятельные, но не обладающие властно-силовыми полномочиями люди.

Удивительно другое: мы все еще думаем, западное общество системно и вовлечены в конкуренцию систем. Однако мне кажется, что прав Дарендорф, когда писал, что «общий язык, на котором мы разговариваем сегодня, не является языком Запада, принятым Востоком», даже если мы все говорим по-английски. «Это по сути дела универсальный язык, не принадлежащий никому в отдельности и потому принадлежащий всем»¹⁷. К тому же Россия – двуликий Янус, она смотрит то на Запад, то на Восток.

Восток поворачивается на Запад или Запад на Восток?

¹⁵ Там же. С.181.

¹⁶ Там же. С.208.

¹⁷ Дарендорф Р. Размышления о революции в Европе. С.58.

Сейчас как никогда важны размышления М.К.Петрова о разных типах социального кодирования. Когда-то он писал, что в Европе, где возник универсально-понятийный код мысли, сохранился и профессионально-именной, то есть массовое программирование индивидов в одно имя, обозначающее профессию (как правило, это – семейное дело), свойственное традиционным обществам Востока (Индии, Китаю, Японии). Эти имена, с одной стороны, программируют в деятельность не одного, а многих индивидов, а, с другой – приводят деятельность массы профессионально программируемых людей как фрагмент целого к самому целому – корпусу социально необходимой деятельности. Это вполне соответствует и тому, что выше написано о компетенции, которая и есть некая программа деятельности, и корпускулярному строению этой деятельности. И если и сейчас на Западе сохраняются социально значимые и подлежащие трансляции понятия «талант», «уникальность», «оригинальность», «автор», «плагиат» (эти «нестандартные» ситуации обеспечивали общественно-культурные программы XVII – XX вв.), то сейчас, наряду с этим, осознается значимость ввода в дисциплинированную профессию. Вопреки общепринятому мнению, тенденции Запада и Востока смыкаются. И если раньше европейцу было куда отступать и, если его теснили из его рода деятельности, угрожая разорением и нищетой, он шел искать новое дело, то теперь это новое дело ищут уже люди и Запада, и Востока, вот только профессии стали технически и технологически гораздо более сложными, им надо долго, кропотливо и тщательно учиться, поэтому ввод в профессию необходимо рассчитан практически на всю оставшуюся жизнь, что и есть профессионально-именное кодирование. Там, где возникают социально значимые стандартные ситуации, там всегда есть почва, правда, уже не для семейного профессионализма, но социально определяемого. И это прекрасно освоил Восток, где прекрасно понимают значимость контакта поколений, отставившую в сторону только одно – семейственность. Хотелось бы назвать, как это принято особенно в политической литературе экономикой знаний – высшим этапом развития постиндустриальной экономики и инновационной экономики, являющейся фундаментом общества знаний или [информационного общества](#), и в случае с США, ЕС или Японией это так и есть, однако в России и, возможно, в Китае этому мешает то, что [СССР](#) уже к середине 80-х гг. XX в. исчерпал возможности собственно развития, не создав даже индустриальной экономики, не говоря уж о постиндустриальной. Эффективные государственные институты, венчурный бизнес, высокие технологии известны пока на бумаге. Китай поворачивается быстрее, заполонив мир дешевыми товарами. Но насколько он окажется быстр в технологиях, пока неизвестно. Однако интерес к этому огромен. Насколько высок его индекс экономической свободы и гражданского общества, сказать однозначно тоже нельзя, поскольку внешне сохраняются институты несвободы.

Тем не менее сближение Запада и Востока очевидно. Такая конвергенция, однако, чревата деградацией социальности. Уже сейчас множество людей плохо владеет грамотой, спихивая это довольно-таки трудное дело на компьютер, который может проверить ошибки. История, однако, знает худшие примеры, когда общая деградация социальности «сопровождается значительными потерями знания», а это в свою очередь ведет к «снижению стандарта мастерства, исчезновения ряда профессий. Наиболее известным примером такого опрошения является исчезновение письменности вместе с профессией писца. Для социальных единиц типа Одиссеева дома письменность была бы неоправданной роскошью»¹⁸.

¹⁸ Петров М.К. Язык, знак, культура. С.159.

Опрошение такого рода и заставило в значительной степени ввести стандарт компетенции. Основные претензии, которые традиционные общества предъявили к европейцам, касаются именно системы трансляции знания. Это, во-первых, избыточность и неэффективность процесса, когда головы подрастающего поколения начиняют знаниями, подавляющая часть которых никогда не пригодится в жизни и будет забыта в период активной деятельности, и, во-вторых, явно неквалифицированный и варварский в методологическом отношении характер процесса обучения, который затрагивает в основном голову человека, не переводя знание в практические навыки, а тем самым и не используя навыкообразующие потенции человеческого мозга, способного отправлять освоенные навыки в подкорку автоматизмов и освобождать память для новых навыков»¹⁹.

Установка на «компетенцию» вместо знания состоит не в этом ее сотворении, а в отторжении контактов в формах «учитель – ученик», «мастер – ученик», «профессор – студент», «ученый – аспирант». В традиционных обществах это понимают, так как видят в этом своего рода «семейную структуру», с помощью которой методом проб и ошибок обеспечивается «контакт поколений как единственно экономичный, эффективный и надежный институт трансляции»²⁰. Так было и в средневековых университетах, поэтому надо ли говорить, что университеты сейчас распространились по всей ойкумене как этот самый надежный институт. Мы же понимаем компетенцию извращенно: как ломку навыков, не умея образовать другие, поскольку не знаем, в чем будет состоять будущая компетенция студента: при отсутствии связей с работодателями, отпускаем выпускников в белый свет, как в копеечку. Остается надеяться, что у естественников и технарей быстрее дело станет иным.

В этом случае, конечно, надо «переменить» власть, создавая ее на других принципах, одновременно воплощая их в жизнь, чтобы не остаться маниловыми: хорошо бы мост построить, и бабы бы на нем сидели и семечками торговали. Жить, конечно, стоит того, чтобы однажды рискнуть «отправиться путешествовать в неизвестное будущее и продвигаться методом проб и ошибок (удивительно, как совпали взгляды незнакомых друг другу людей, М.К.Петрова и Дарендорфа. – С.Н.), держась рамок институтов, которые способны производить изменения (те же университеты. – С.Н.), не проливая при этом крови»²¹.

Однажды призвав варягов, мы никак не можем отступить от этого феномена «варяжскости». И хотя современные понятия «демократия», «либерализм» сейчас дискредитированы, возникло понятие неолиберализма. А это значит, что нет необходимости отказываться от этих идей, однако не мешает помнить, что население греческих полисов – оплотов демократии, едва достигало 5 000 человек, и одно это ведет к необходимости подвергнуть эти желаемые издавна состояния философско-социально-экономически-политической критике. Почему-то ведь возник такой синоним демократии, как «дерьмократия»? Вызывает подозрение живучесть этого термина: не стал ли он симулякром и уже давно? В течение 2500 лет существуют одни и те же формы правления, вряд ли отвечать современным задачам и современной ситуации. Американские Штаты в свое время изменили именование своего объединения, определив свои статусы, уставы, властные формы единства по принципу не личной власти, а признанной законодательной нормы. Я сейчас не обсуждаю, к чему это привело, но что личная власть президента там лишена характера монархической

¹⁹ Там же. С.133.

²⁰ Там же.

²¹ Дарендорф Р. Размышления о революции в Европе. С. 58.

власти, это очевидно, потому что действуют факторы, существенно ее ограничивающие: независимая пресса, Конгресс, нормативность законов и их исполнение.

В Европе в начале XIV в. французский король собрал парламент и генеральные штаты (*les états généraux*), поскольку был близок к банкротству, и ему требовались деньги. В середине XIV в. Штаты во время дряхлеющей войны с Англией, которая впоследствии получит название Столетней, заявляют, что они будут собираться сами, не дожидаясь королевской воли. После этого и вплоть до конца XVIII в. они, штаты, сословия со своими уставами, создавали политико-экономическое напряжение в королевстве, постепенно выдвигая идею представительства как одну из важнейших политических идей и воспитательно-пропедевтической силы закона, которому должен подчиняться каждый человек, независимо от его происхождения. «Парадокс брадобрея», один из вариантов теоретико-множественного парадокса, приписываемого Расселу²², на деле осуществился в Англии XVII в., в 1642 г. во время суда над королем Карлом I. Карл доказывал судившему его парламенту, что как законодатель он стоит вне и над законом, а парламент в ответ формулировал такую максиму, что закону подчинен каждый, даже тот, кто его сочинил и *принял*. В России под давлением сходных с Францией обстоятельств (война, финансово-политический кризис) в начале XX в. то же пытался сделать Николай II, но личная власть в России оказалась такой властной силой, что созванную Думу своей же волей государь и разогнал. Волевым личным началом оказалось – и это действие варяжского призвания, когда люди, сами не справившись с собственными делами, *добровольно* стали подданными чужого народа, весьма длительно – перевесило волю начала представительного, что длится и по сей день.

Это волевое начало привело к тому, что Россия не сложилась в национальное государство. С момента образования ее имперская государственность была фикцией, потому что она, в отличие от всех империй, не имеющая, как все империи, своей метрополии, кроме столицы и центральных городов, сосредоточила в себе идеологическую мощь, и это лучшее доказательство силы идеологии, превалирующей над экономикой и политикой. Поэтому любое философствование имеет непререкаемую моделирующую силу. Модель, по самому общему определению, — некоторый материальный или мысленно представляемый объект или явление, представляющий упрощенную версию моделируемого объекта или явления. Это, разумеется, не указание к сиюминутному действию, хотя модель начинает работать *здесь и сейчас*, заранее предвосхищая трансформацию заложенного в ней результата. Иначе она не означала бы *способа* (от *modus* – способ) осуществления, обозначения, постановки проблемы. Акцент на формировании правоспособности, установление права собственности – это то, что можно делать постепенно с помощью образования. Потому столь насущна реформа образования, несовместимая с кощунственным его уничтожением, проводимым сейчас, в которое входили основы правоведения, конституции, логики. Эти дисциплины, кстати, входили в школьную программу в сталинские годы, и то, что они были из нее исключены, свидетельствует о признании властью камуфляжности правового обеспечения.

²² Парадокс формулировался так: «Пусть К – множество всех множеств, которые не содержат себя в качестве своего элемента. Содержит ли К само себя в качестве своего элемента? Если да, то, по определению К, оно не должно быть элементом – противоречие. Если нет, то, по определению, К оно должно быть элементом К – вновь противоречие.

Как мне кажется, сейчас нужно отойти от дихотомии социализм-капитализм, потому что то, что происходит сейчас – это и не капитализм, и не социализм. Те, кто хотел построить социализм, уже построили и живут в нем. Те, кто хотел построить коммунизм, тоже его построили – красные штаты в Индии. И это не метафора. Нынешнее политическое устройство переросло рамки подобного противостояния. То, что происходит сейчас – это и не капитализм, и не социализм. Не исключено, что наше нынешнее государство вышло за стадию национального государства, что скорее здесь должны строиться области по экономическим регионам, областям.

Право и власть или право на власть?

Между тем проблемы права, не совпадающего с обязанностями, сейчас столь же и одновременно насущны, как проблемы собственности, поскольку собственности в России не было, да и ныне появившаяся все равно зависима от начальственной власти, которая отнимает ее, используя те самые камуфляжные правовые институты, то есть слова-заместители, слова-тропы (метафоры), которые подменяют собственно право. Право (*ius*), то, что правильно, невозможно ввести приказным порядком, правообладание – длительнейший процесс, в свою очередь зависимый а), в первую очередь, от естественного обладания собственностью; б) от волеизъявления массы людей (не говорю – народа, поскольку последний превратился в население); б) от волеизъявления власть предержащих. Поскольку по природе существующей собственности, моей и только моей, в России нет (собственность всегда была «искусственно» полученной, прежде всего от государя или путем захвата), то говорить о праве нужно, понимая, что им еще нужно прорасти.

Сейчас иногда говорят, что принимаемые современной российской властью законы, установления и пр. не достигают целей, увязая в сети проволочек и не достигая масс. Я полагаю, напротив, что они прямо достигают своих целей. Главное желание власти – загасить твою собственную свободу. И мы (я) чувствуем это постоянно. Загашенная свобода и свидетельствует о том, что действительно есть власть, обладающая всеми властными полномочиями, но не правосознанием. Нужно же находить способы вселять правосознание в головы каждого человека. В каждом автобусе, на каждой станции метро, в почтовом ящике каждой квартиры должны лежать принятые законы

Я хотела бы обратить внимание на то, что любое новое право, преображаясь в новые формы и соответственно отображая новый статус общества, в целом государства и внешне отрекаясь от старого правового закона, на деле его не уничтожает и не может уничтожить, потому что человек прорастает правом. Напомню одну коллизию, связанную с, казалось бы, давно ушедшим Средневековьем.

Римское право, основанное на коллективном, безличном, административном начале, на представлении о том, что человек от роду наделен всеми правами, в IV – VI вв. заместилось обычным правом населивших бывшую империю народов, объединенным в единства (герцогства, королевства) на духовном, личностном начале. Древние германцы полагали, что право неотъемлемо от качеств выдающейся личности. Не личность определяется правами, гарантированными государством. Наоборот, она правомочна, поскольку является именно личностью живым, неповторимым человеком. Иначе говоря, она зависит исключительно от себя, от своих внутренних качеств. Затем, в Новое время, это право, в свою очередь, было замещено правом, которое считается отчужденным от личности, законам которого подчиняется любой гражданин. Но отношение к правомочной личности фактически действует до сих пор. Власть, особенно главный ее представитель, полагает, что он может контролировать и даже

верховенствовать, руководить правовым процессом даже в условиях формального признания права, формирующего до и сверх личности, нормативного права. Такое двуправие действует в современности повсеместно, после неоднократных правовых смен и утверждения универсальности права, которому подчинены все индивиды. Дело лишь в процентном отношении к этой личной правомочности. В европейских странах и Америке такого права меньше, в России при отсутствии демократического опыта и испытания правом больше. И пока никто не отменял определения человека как наделенного правом творческой правомочной, правомощ(ч)ной личности, это представление будет действовать *практически*.

Поскольку ныне слияние большей части населения и власти с миром захватчиков-уголовников огромно, нельзя тем не менее считать попытки малой доли населения жить по праву роли ненужными. Диссидентское движение, всегда казавшееся (диссидентам в том числе) не рассчитанным на удачу, все же оказалось «каплей, точащей камень» и внесло свою лепту в изменение и самой власти, и даже к ликвидации самой империи.

Говоря о реформировании отдельно взятой страны, мы сейчас вынуждены постоянно оглядываться на мир. В современном мире с отдельно взятой страной ничего нельзя сделать, даже если решиться в горах построить идеальное общество под названием «Институт хорошего дела». Этот институт вряд ли сможет длительно просуществовать отдельно от мира: мы уже связаны с сообществом, в немалой степени посредством интернета. Эту связь нельзя понимать только в том смысле, что глобальная коммуникация представляет собой деградирующий процесс. Это прежде всего вопрос скорости, технологий, быстрой связи, позволяющей объединяться индивидам, находящимся в разных точках земного шара, не ставящей преград и объединениям разных корпоративных сообществ мгновенно принимать или отменять решения, регулировать свою деятельность.

В замысле нового образования должно быть воспитание мужества, гражданской добродетели, любви к политической, если можно так сказать, правильности и политическому умению реагировать на общественные изменения. В таком случае именно важны экспертные оценки. Если при этом государства не будут ориентироваться исключительно на нации, сами собой исключаются разного рода ксенофобские идеи.

Более того, экспертиза предполагает миноритарную власть, власть образованного меньшинства. В практике государственного строительства это практиковалось, причем в глубокой древности. Я могу привести пример из «Салического закона», где никто, например, не имел права переселиться (вселиться) куда-либо, если хотя бы один был против. Этому одного никто не выбирал, он был просто против. Чтобы убедить его или убедиться, что прав он, а не большинство, начинались беседы, или то, что сейчас называется приведением к согласию. Разумеется, речь в случае «Салического закона» шла о деревне, но и сейчас существуют досудебное разбирательство.

О принципах гражданского общества

Иногда, как мы знаем, чтобы на шаг продвинуться вперед, надо сделать два шага назад. Такими назад идущими шагами являются шаги по выстраиванию гражданского общества, ибо, даже если говорить о «государстве как о наборе властных институтов», то «остальные субъекты политической и управленческой деятельности» еще не гражданское общество.

Вопрос о гражданском обществе может рассматриваться как общение людей не в сфере трудовых отношений, а в отделенной от экономики сфере гражданских прав и свобод, в сфере правоотношений с разветвленностью общественных связей и интересов, с осознанием социально-политических интересов каждой социальной группы, класса, партии, программы, но и отдельного индивида, который и с которым взаимодействуют политические структуры. Такими суверенными субъектами могут быть лишь различные субъекты *собственности*. В конце 80-х годов XX в., когда началось обсуждение перспектив создания гражданского общества в России, подчеркивалась важная роль интеллигенции в этом процессе. Но во время этого обсуждения подверглись анализу и критике и понятие интеллигенции, которую отличает от любой другой общности опора на либерализм и нравственные устои, и ее способности решать поставленные ею же задачи.

Гражданское общество, повторим, появилось там, где уважалась собственность, право и законы, применение и исполнение которых были неукоснительны. Право же, как оно сложилось в России, несмотря на обилие законов и судебных актов, издаваемых после XIX в., не обладало такой неукоснительностью, а без этого любой разговор о гражданском обществе – маниловщина. Можно вести речь о структурных, социальных, политических и прочих характеристиках социума, но не об обществе самостоятельных и независимых правовых субъектов.

При этом мы, не имеющие такого общества, называем цивилизацией, то есть гражданским образованием (от лат. *civis* - гражданин) любое долговременно существовавшее государство, будь то Египетские царства или Урарту (недавно удалось увидеть даже такое словосочетание, как «мусульманская *цивилизация*», то есть не гражданское образование, а религиозное, по сути своей сакрализирующее все, с чем имеет дело). И хотя термин «гражданское, или цивилизованное, общество» как союз свободных полисных людей употреблялся еще Аристотелем, в полной мере его можно применить лишь к европейскому Новому времени, когда возник принцип свободы и равенства для всех.

В годы слома советской власти В.С.Библер выделил существенные характеристики гражданского общества, среди которых на первом месте стоит развитая промышленность, предполагающая разделение основных форм деятельности (промышленный и сельскохозяйственный труд, всеобщий труд в сфере культуры), а также «суверенная роль свободного работника... динамика *необходимого и прибавочного* времени» и свободный рынок с его разнообразием интересов, ориентаций, спроса и предложения²³. В этом смысле гражданское общество находится в эпицентре политэкономических и социально-исторических проблем, трансформируя их, характеризуя тем самым «не надстройку, но самую суть современного производства»²⁴. Такое общество определяется как *форма общения* разных социальных групп, четко структурированных по программам и формам деятельности, обращенных на самих себя, на свои права и свободы, что освобождает их от жестких социальных сцеплений. В обществе свободно группирующихся по классовым, творческим, производственным и любым другим интересам людей меняется роль меньшинства, которое перестает быть заложником решений, принятых большинством голосов. В гражданском обществе меньшинство может быть ко всему прочему действующей

²³ Библер В.С. О гражданском обществе и общественном договоре // Библер В.С. На гранях логики культуры. М., 1997. С.350.

²⁴ Там же. С.352.

оппозицией, «не отвечающей», «за власть, но отвечающей на действия власти»²⁵, что, разумеется, предполагает свободу митингов и демонстраций, опору на собственность и гласность.

Многое из того, о чем говорил В.С.Библер, можно было прочесть и раньше - в статьях юристов, экономистов, историков и философов начала XX в., особенно требование гласности, под которой понимались, прежде всего, публичность принимаемых властных решений и снятие информационной государственно-полицейской блокады. Такие требования, однако, напрочь исчезли в годы советской власти, и малейшие попытки их реанимирования кончались физической расправой. Жесткий разрыв между чаяниями неправящего большинства и грубой властной силой правящего меньшинства выражал тотальную оксиморонность СССР, позволившего разрушить или перемешать все социальные структуры, соответствующие промышленному производству (буржуазия, рабочий класс, крестьянство, интеллигенцию). Но и нынешнее государство не менее оксиморонно: внешне смяв старую власть к 1991 г. и выразив ненависть к ее полицейским методам, народ делегировал – вполне в духе гражданского общества – свои права депутатам Государственной думы и президенту, в действиях которых обнаружилась **внутренняя** глубокая связь с прежними властными структурами. Была разрушена промышленность. Возник странный рынок, допускающий вмешательство государства, разрушающее его основы, вывоз капитала. Слово «интеллигенция» стало почти ругательным не только в советское время («а еще шляпу надел»), но и в постсоветское. Желание построить государство на демократических основах столкнулось с жесткими препятствиями ментального порядка: общество, практически не знающее, что такое демократические основы, реально решило сконструировать *неосоветское* государство на усеченном *неороссийском* пространстве с учетом возможностей и потребностей в рынке с прогнозируемым и регламентируемым переделом собственности и со свободой слова без гласности или при неполной гласности. Делается это часто руками тех самых интеллигентов, которые ратовали за **неполитическое** гражданское общество, могущее появиться в соответствии с «требованиями **политической** теории марксизма» и как результат выполнения «**политической** задачи перестройки, происходящей в нашей стране **под руководством партии**»²⁶.

Сейчас настрой на тотальное государственное преобразование (выраженный именем «перестройка») и образование гражданского общества сменился апатией большинства населения при одновременном политическом возвышении сложившихся групп коррумпированных политиков-бизнесменов со штампованными лозунгами, а вместе с тем трудным «низовым» повсеместным запуском производств и трезвым анализом «нашего положения», требующего – может быть, прежде всего - правового образования. В противном случае право замещается непреднамеренным беззаконием, преднамеренным обманом или преступлением, о чем говорил Гегель. Двойственная позиция государства в отношении правосознания сейчас очевидна: с одной стороны, показательные уроки судопроизводства демонстрируются едва ли не на всех каналах телевидения, с другой, происходит немотивированное поправление прав собственности.

За 90 с лишним лет, прошедших после Октябрьской революции, далеко не полностью разрушилась старая идеология. Недавно студент подошел ко мне и сказал, что сейчас народ надо держать в узде, поэтому хорошо бы вернуть Сталина. После

²⁵ Там же. С.354.

²⁶ 50/50. Опыт словаря нового мышления. М., 1989. С. 446, 448.

ликвидации СССР прошло 20 лет, кто или что могло внушить ему подобные мысли, если не глубинное существование самих этих идей.

Время существования советской власти определяется как время торжества марксизма, который в теории предполагал отмирание права вместе с отмиранием государства. Процесс оказался явно не синхронным. Правовой приказ (лат. термин *ius*-право произведен от лат. *iubeo*-приказываю, устанавливаю) успел только показать свою силу, поскольку советское государство развивалось от науки к утопии, у которой нет опоры в общепринятом праве. Такое государство мгновенно разворачивает два права: право силы и маргинальное право отдельных людей. Носители того и другого права оказались друг относительно друга право-преступными. Двоеправие стало ведущей силой советского общества: в одном случае право облекалось в форму марксистской идеологии, а в другом – международных прав человека, противостоящих этой идеологии. Но это двоеправие сыграло революционизирующую роль: оно привело к тому, что даже марксистская философия, призванная на службу идеологии, освобождалась от тождества с нею, поскольку в лоне идеологии она обязана была заниматься **критикой** своей эпохи, соответственно – не только критикой буржуазного общества, но и своего. Доведение этой критики до кульминации имело следствием ликвидацию себя как идеологии, чем объясняется огромный интерес к выросшей из анализа марксистской теории «постмодернистской» философии. Это, в свою очередь, вело к отрицанию некоего одного права на истину и к уравниванию всех типов дискурса. История, таким образом, отрывалась от опоры на закономерности, утверждая могущество «среды» и открывая равные возможности для одновременного осуществления 1) парадигмальной смены социального кодирования (как в Японии, где произошло крушение важнейшей опоры японского менталитета – военной традиции), и 2) возникновения авторитарного, в нашем случае – **нео**советского государства, составляющего своего рода кентавр с замахом на экономику знаний без всего, на чем основывается знание.

Процесс парадигмальной смены предполагает довольно длительный «замороженный» период, когда старое сломано, а нового еще нет. Единственной общей платформой для общности людей становятся деньги. Такую властную систему мы выше назвали **монето- или money-кратией**. Во время такой перестройки мышление для своего постоянного обновления не нуждается ни в памяти, ни в личности, ни в вере, обеспечивая себя теми возможностями, которые связаны с монетарностью. Выход через такой катаклизм опасен тем, что он открывает все пути, в том числе старые, на которых делаются попытки обновить и память, и веру, и патриотизм: это и есть авторитарные пути. При утрате опоры в социальности на этих путях обнаруживаются желание и возможность (через финансовый капитал, военную силу) навязать обществу решения, от которых оно уже, было, отказалось, но в силу «усталости» готово их принять, тем более что советизм, повторим, до конца не повержен, а только прикрит. Закон о запрете неправительственных организаций, которые финансировались иностранными фондами и которые были способны служить основанием гражданского общества, стал той фишкой, которая позволяет поставить вопрос, а не является ли сама российская потребность в таком обществе потребностью гоголевского Ноздрева выговориться и надолго замолчать? Ведь не случайно термин «гражданское общество» употребляется как антоним термина «военизированное общество» и при желании его цели можно свести к чему угодно, например, к проблемам образования.

Сейчас некоторые национальные республики в России «получили столько автономии, сколько хотели». Каким же образом гражданское общество, предположительно охватывающее всю Россию и основанное на общеевропейских

принципах светских свобод, может допустить внутри себя религиозную правовую систему, скажем, шариат? Разумеется, исповедуя свободу совести, нельзя вмешиваться в политико-религиозную жизнь людей (стран) с иным, чем у нас, вероисповеданием. Но ориентированный на европейские ценности человек оказывается при этом в состоянии парадокса. Признавая, что азиатские и кавказские регионы страны перестали пылить за ее европеизированной частью, он будет отстаивать право на их культурную самостоятельность и на независимость правовых систем, ибо он - европеец особого рода: он живет не только в многонациональном, но и в многоконфессиональном государстве. Это значит, что при провозглашенном принципах свободы и равенства он обязан признавать религиозные права и таких конфессий, где нет деления на светское и духовное, где человек сакрализует все мирское и в любом случае действует от имени своего Бога или богов. Может ли быть в таком случае сложено гражданское, нерелигиозное общество, признающее равные права мужчин и женщин и отстаивающее для них правовое единство?

Европейская система права отвергает право религии вмешиваться в светскую жизнь людей. Примером такого рода является запрет на ношение хиджаба во Франции. Священный закон может быть сильнее светского, но определяет права человека в мире не он. Недавние бунты арабской молодежи во Франции показали предел, до которого были доведены права человека, в том числе права на передвижения, эмиграцию и пр. Безграничная либерализация привела к необходимости защиты гражданских прав населения, которое признало главной для себя правовую систему, основанную на либерализме. В этом случае колеблется роль интеллигенции в становлении гражданского общества. Тем более что гражданские общества в Европе были созданы не с ее помощью (она там отсутствовала), а с помощью профессионалов-легистов и предпринимателей, которые служили не государю, а общему благу государства. При этом общему благу служил и государь. Российский же византизм, то есть зависимость всех и каждого только от личности государя в отличие от изначальной иерархической организованности европейского общества (когда вассал моего вассала – не мой вассал, даже если я - государь), это общее служение исключал. Этот подспудный византизм, давление истории на менталитет человека, двусмысленная природа закона, внешне выполняющего служебную или утилитарную роль, но внутренне подпертого тем, что со времен Платона называется врожденными идеями, обеспечивает возможность возврата к авторитарному правлению. Здесь как раз и требуется сохранение мудрого баланса между старым и новым.

Двусмысленность закона предполагает единство писаного и неписаного права, которые в зависимости от требований момента проявляют то одну, то другую сторону. При революционной смене государственного строя заметно снижается роль фиксированного свода права, а мы пережили с 80-х годов, по крайней мере, два революционных кризиса - 1989 г. и 1991 г. Требовательные призывы к установлению гражданского общества, которое стояло бы над идеологией, над партиями и осуществляло бы контроль над действиями правительства, правоохранительных органов, судопроизводства, шли от интеллигенции, которая, повторим, была своеобразным закоперщиком и государственных сдвигов. «Младшие научные сотрудники» вкупе с академиками А.Д.Сахаровым, Вяч.Вс.Ивановым и С.С.Аверинцевым и многими правоведами взялись за дело, засучив рукава, но сути дела не знал никто. «Опыт словаря нового мышления» показал способы его формирования. Одни авторы «Словаря» полагали, что перекапывать надо «все до основания», другие оглядывались на преступную правящую КПСС, третьи надеялись на идейную помощь Запада (в «Словаре» представлены два взгляда на зарождающуюся

российскую демократию – российских и западных политологов). Публикацию такого опытного словаря можно было бы назвать началом формирования гражданского общества, если бы слова сопровождались конкретными и не запоздалыми делами. Новая мысль требовала определения собственности, установления отношения к ней и ее правообеспеченности. Но именно понятие собственности не было продумано ни философски, ни юридически, ни экономически или политически, поскольку прежние - коммунистические - принципы предполагали полную отмену собственности. В этих терминах мы не расценивали свою жизнь. Поэтому правом не были обеспечены ни личная собственность (выражение «собственник» имело негативный смысл), ни общенародная, прежде всего земельная. У власти в конце 80-х оказались «хорошие люди» (термин тех лет), но оказались растерянными перед этой проблемой.

Не было и того, что в средневековые времена называлось достоинством земли, предполагавшим, что земля становилась графством, маркизатом или крестьянским мансом не оттого, что ею владел граф, маркиз или крестьянин, а наоборот - достоинства/недостатки земли позволяли владельца называть графом, маркизом, дворянином, которому не возбраняется держать и крестьянскую землю, платя налог, соответствующий качеству этой земли.

В России же земля всегда была «бесправна», и это стало выгодно современным «захватчикам-практикам»: они осуществили быстрый захват разбросанных, никому не принадлежащих и неоцененных земель и недр в свои руки. Возможность захвата была обнаружена, но не осознана, отчего произошел разлад между активностью делателей и пассивностью думающих. В.В.Бибихин, который, может быть, одним из первых всерьез обдумывал этот разлад, писал, что современный захват мира, приватизация – прямое продолжение девяностолетия (или еще дольше) обобществленной собственности в России. В этот захвате он сумел разглядеть самую «стихию человеческого существа», включающую в себя юридический беспредел, упреждая ситуацию, при которой захват как удивление перед миром, если не осмыслить его именно как удивление, то есть не осмыслить философски, может превратиться в грабеж²⁷. Другой философ, М.К.Петров, еще раньше В.В.Бибихина показал связь такой философии с хитроумным Одиссеем, умевшим обойти рифы разбоя и привязывавшим себя к мачте корабля, слыша пение сирен, но не бросаясь, очертя голову, на их призыв. Оба философа обратили внимание на то, что в определение мудрости входит безупречная техническая точность, обнаруженная Аристотелем в деятельности камнерезов и скульпторов (Никомахова этика, У1 7 1141a 9). Беспредел, а теперь и прямая насмешка над обществом возникает там, где «видение» не превращается в сознательное «ведение». Поскольку беспредел «концептуально не уловим», то «юридическому сознанию кажется», что собственник *готов* к обладанию собственностью, а на деле готов только к ее *сохранению* любыми средствами, поскольку эти проблемы возникают вследствие раннего и незаметного «перевертывания всякого увиденного *есть* в смысле имеется в *есть* в смысле у меня имеется»²⁸.

Вопрос именно в том, у *какого меня* есть эта собственность, ибо на роль «я» может претендовать и частное лицо, делающее многократные попытки юридически ее оформить, и государство, пользующееся тем, что юридическая практика *не готова* к такому оформлению: скачок от безсобственного состояния к собственному остался за

²⁷ См.: Бибихин В.В. Своё, собственное//Бибихин В.В. Другое начало. М., 2003. С.364 – 365.

²⁸ Там же. С.365.

пределами кодифицированного права. Владение частной собственностью в России у всех под вопросом и может быть, как видно из многих нынешних так называемых экономических дел, только временным. Более того, не схвачена двусмысленность понятия собственности как 1) записи имущества на юридическое лицо и как 2) этимологического обозначения «своего», связанного с поиском себя. «Мы ничему не принадлежим так, как своему, - пишет В.В.Бибихин. – Мы заняты своим делом, живем своим умом и знаем свое время. *Свое* определяет владение в другом смысле, чем нотариально заверенное имущество... Русская *свобода* происходит от *своего* не в смысле собственности *моей*, а в смысле собственности *меня*», и это «собственно свое непознаваемо... попытки вычислить, сформулировать уводят от него»²⁹. Однако сама эта непознаваемость обеспечивает свободу собственности. «Вещь принадлежит тому, кто ей возвращает ее саму, обращается с ней по ее истине»³⁰, а не на основании того, что она может мне дать или что я могу от нее получить. Такой узкий подход к делу в России, не создавшей своей теории собственности и прежде оглядывавшейся на Маркса, может сделать неудачными любые юридические попытки ее отстоять, если прежде не будет допытана сама истина вещи, которая включает и ее свободу от меня. В некоем «важном смысле» крепостной крестьянин в царской России был, на взгляд В.В.Бибихина, владельцем полнее и свободнее, чем помещик³¹, потому что именно крестьянин, а не помещик сидел на земле и был с нею заодно.

Гражданское общество потому так и необходимо, что, не следуя политическим и владельческим указкам, ставит интерес отдельного человека на первое и главное место. Проблема именно в том, кто и что может дать стимул рождению такого общества. Провал первой постсоветской попытки позволяет критически рассматривать возможность ее приоритетного участия в его создании, тем более что, вопреки своему имени, интеллигенция склонна к мистицизму. То, что на Западе обсуждалось бы как научная *гипотеза*, в России вполне может быть принято за истину в последней инстанции. Так было с конца XIX в., когда союз ума, воли и дела заместился субъективными устремлениями отдельных исторических личностей. Правда, земство и такая политическая сила как либеральная интеллигенция, прежде всего партии октябристов и кадетов пытались всерьез провести либерализацию страны, установление парламентаризма, введение частной собственности на землю, регистрацию обществ и собраний, подчинение бюрократии общественному контролю, но это многими рассматривалось не как самоценная необходимость, а как вина перед попранными правами народа, не позволившая нецивилизованной России решить цивилизационные проблемы. Однако, как поражение революции 1905 г., так и победа ее в 1991 г. привели к тому, что интеллигенция как нечто ответственное за итоги своей деятельности практически исчезла. И в 1905 г., и тем более в 1991 г. она скорее обозначила *конец* своей миссии, а не *канун*, хотя лишь «накануне» у интеллигента происходит *концентрация всех сфер духовной деятельности, при которой одновременно взвинчиваются и нравственные усилия*. Потом начинается вырождение. Тогда был крен в сторону интеллигентного пролетариата (как считал С.С.Ольденбург), а сейчас - в сторону любого профессионально действующего специалиста или бомжа, поскольку отпадает необходимость в постоянном участии в той политической деятельности, которую можно было бы считать не следствием пиара, а нравственной работой. Интеллигенция представляла силу только в моменты рассогласованности

²⁹ Там же. С.370 – 371.

³⁰ Там же. С.378.

³¹ Бибихин В.В. Введение в философию права. М., 2006. С. 45.

реального дела и реального слова. Для народа такая интеллигенция была «не грабителями...даже не просто чужими как турок или француз, - писал русский европеец М.О.Гершензон, - он видит наше человеческое и именно русское обличье, но не чувствует в нас человеческой души, и потому он ненавидит нас страстно»³². Это напоминает резко негативное отношение того же народа к какому-нибудь правительственному деятелю, пока тот не проявит качеств *профессионала и специалиста*.

Тем не менее, дело граждан не должно стоять на месте. Для начала хорошо бы воссоздать не гражданское общество, а **общества** с разнообразными интересами, исключаящие из своих программ какие бы то ни было интимные, даже чувственные отношения народа к правителю (будь то М.С.Горбачев, Б.Н.Ельцин или В.В. Путин), учащиеся жить собственными силами, обладающие навыками полисной жизни. Такие общества (клубы), которые, к счастью, сейчас есть и некоторые из них («Красная площадь») активно функционируют, должны исключать нарушение основных принципов существования индивида, обеспечивать возможности интеграции в мировые сообщества и обособления от государства, если оно не дает гарантий хотя бы простой безопасности. Люди вполне осознают необходимость, при которой государство воспринимается как форма взаимоотношений между индивидами, как своеобразный телефон между членами общества. При этом вовсе не исключается, что оно должно обладать военной мощью, способностью защищать граждан, собирать налоги и пр., потому что в таком случае это мы, индивиды, делегируем ему такие функции и мы, индивиды, будем требовать отчетности в их исполнении.

Я прекрасно понимаю, что в этом рассуждении есть нечто от воображения, но не от утопии. Заниматься подсчетом, через сколько лет люди добровольно станут платить налоги, выходить на пенсию за десять лет до «среднестатистической смерти», читать законы, неблагодарное занятие при условии, что такие вещи, как обеспечение всех средствами к жизни и судебниками станет нормой нашей жизни. Более того, гражданин, если он гражданин, а не симулякр гражданина, «не может отказываться от уплаты установленных налогов»³³

Шаг вперед – шаг назад

Я не готова говорить за граждан, как они будут воспринимать государство, не потому, что не могу этого предположить, а потому, что исхожу из принципа свободного развития, которое нам может преподнести много сюрпризов, если таковому развитию дать время и место. Это и есть текущая, каждодневная работа – давать такое время и место. Все страны Западной Европы проходили трагические ступени формирования (особенно после французской революции). И я хотела бы напомнить слова Канта: «*Величайшая проблема для человеческого рода, разрешить которую его вынуждает природа, – достижение гражданского общества... Свобода под внешними законами сочетается с непреодолимым принуждением... Вступать в это состояние принуждение заставляет людей, вообще-то расположенных к полной свободе, их собственная неуживчивость, вырастающая из свободы*»³⁴. Мы сейчас также находимся в стадии Просвещения, которое предполагает выход из *Несовершеннолетия как неспособности пользоваться своим рассудком без руководства*

³² Гершензон М.О. Творческое самосознание // Вехи. М., 1990. С.74 – 75, 91, 92.

³³ Кант И. Ответ на вопрос: что такое Просвещение? // Кант И. Собр. соч.: В 6 т. Т. 6. М, 1966. С. 30.

³⁴ Кант И. Идея всеобщей истории во всемирно-гражданском плане // Там же. С. 12 – 13.

со стороны кого-то другого». И оно заключается не в недостатке рассудка, а в недостатке решимости и мужества. «Sapere aude! – имей мужество пользоваться *собственным* умом»³⁵. Канту решительно не по вкусу употребляемые, как он пишет, «даже и очень умными людьми» выражения: известный-де народ не созрел для свободы. Но если исходить из подобных предположений, свобода никогда и не наступит, ибо для нее нельзя *созреть*, если предварительно не ввести людей в условия свободы (надо быть свободным, чтобы иметь возможность целесообразно пользоваться своими силами на свободе), а для пользования своим разумом созревают не иначе, как в результате *собственных* усилий (но чтобы предпринять их, нужно быть свободным). Более того, любая свобода, если она все-таки допускает закон, сопряжена и с принуждением как основанием республики-общего дела³⁶. Поэтому именно гражданское общество предполагает систему сдержек и противовесов, но основаны на системе не властного управления, а добровольно принятых обязательств, подлежащих системе регулирования.

В гражданском обществе исходное право – это право суверенного индивида. Можно сказать: я сам себе суверенное государство, как сказал о себе А.А.Зиновьев, при признании прав других столь же суверенных индивидов и противопоставить себя угнетающему властному государству. Впрочем, если мы говорим о моделях, то моделью при высокоразвитом технологическом, основанном на экономии знаний обществе и может стать *я-государство* или человек-государство, *manstate*, существующий в общественном договоре с другими. В этом смысле старая руссоистская идея общественного договора, возникшего под влиянием неосознанных им феодальных личных договорных отношений, для настоящего времени весьма актуальна.

Здесь вполне уместно вспомнить Маркса, который утверждал, что в гражданском обществе человек рассматривает другого человека как «предел своей свободы». «Идея свободного одинокого индивида, свободно вступающего в общественный договор с, другими, столь же свободными гражданами, ч т о б ы заключить некое подобие общественного договора, – это идея человека как буржуа... это есть одно из всеобщих определений человека и общества» Это определение В.С.Библера³⁷ остается весомым и для наших дней. Поэтому и его предложения по организации не камуфляжных общественных палат, а контролируемого обществом “гражданского парламента”, “гражданского форума” или “гражданского диалога” разного рода союзов, программных клубов, творческих объединений, «разрабатывающих свои социально-политические и культурные программы и инициативы», «мог бы стать основой формирования “демократии меньшинств”, инициативных ядер, которые были бы средоточиями будущей гражданской структуры, основой избирательных программ и т.д. <...> многие современные народные фронты, партии, ассоциации, неформальные движения могли бы войти в такой Парламент, стать участниками такого Диалога»³⁸. Сама идея клубов, потребность в семинарских обсуждениях – симптом времени.

Я думаю, что это – самое важное заключение, которое можно сделать: создать систему открытости и не закрывать те возможности, которые кое-где еще теплятся и

35

вопрос: что такое Просвещение? С. 27.

³⁶ См.: Кант И. Антропология с прагматической точки зрения // Кант И. Собр. соч.: В 6 т. Т. 6. Кант И. Собр. соч.: В 6 т. Т. 6. С. 585.

³⁷ Библер В.С. О гражданском обществе и общественном договоре. С. 364, 365.

³⁸ Там же. С.368 – 369.

которые показывают не столько то положение дел, с которым желают, как правило, иметь дело те, кто считает себя действующим политиком («что дано, с тем и надо работать»), чтобы оправдать неделание, сколько то положение, которого еще нет, но которое предвидится, предугадывается как возможное будущее.